

ВЛИЯНИЕ ИНСТИТУТОВ НА ОЖИВЛЕНИЕ МОНОГОРОДОВ

Аннотация. В России чрезвычайно острыми остаются проблемы, связанные со способностью государства реализовывать волю всего общества и отстаивать национальные интересы, демонстрируя при этом высокую эффективность в сравнении с другими странами. Представляется, что решение этих проблем во многом зависит характера созданных институтов.

Целью статьи является разработка путей высвобождения созидательного потенциала широких масс. Несмотря на официально провозглашенное демократическое устройство, политическая система в России основана на разнообразных формах принуждения, парализующих созидательную социальную активность. В результате институты утратили гибкость и способность создавать нечто новое. Это представляет очевидную опасность в условиях калейдоскопически меняющихся мировых событий. Неадекватность институтов текущему моменту ведет к череде утраченных возможностей, застоям в экономике и отставанию в ключевых сферах.

Институты оказываются наиболее доступными для исследования в момент их ломки. Учитывая, что свойства общего могут быть обнаружены в частном, представленные в статье теоретические тезисы были применены к российским моногородам, политическое и экономическое будущее которых находится под вопросом. Разработана «дорожная карта» развития институтов моногородов, способствующих решению их фундаментальных проблем.

Исходя из проведенного исследования, в статье делается вывод о том, что политика модернизации моногородов должна учитывать особенности инсти-

туционального развития и проводится с активным участием государственных и местных органов власти. Однако применяемая сегодня в этой сфере политика неэффективна и не может дать требуемого результата, т. к. не учитывает роль институтов. Изменение политики государства в части проектирования институтов развития будет способствовать формированию в России новой экономики и устойчивому развитию государства.

Ключевые слова. Институты, принуждение, насилие, политические права, обязанности, моногорода.

Информация о статье. Дата поступления 03 сентября 2018 г.; дата принятия к печати 27 сентября 2018 г.; дата онлайн-размещения 15 октября 2018 г.

I. V. Anokhov

Baikal State University,
Irkutsk, Russian Federation

THE INFLUENCE OF INSTITUTIONS IN THE REVIVAL OF SINGLE-INDUSTRY TOWNS

Abstract. In Russia, the problems related to the ability of the state to realize the will of the whole society and defend national interests remain extremely acute, while demonstrating high efficiency in comparison with other countries. It seems that the solution to these problems largely depends on the nature of the created institutions.

The aim of the article is to develop ways to release the creative potential of the masses. Despite the officially proclaimed democratic system, the political system in Russia is based on various forms of coercion that paralyse creative social activity. As a result, institutions have lost flexibility and the ability to create something new. This is an obvious danger in the context of kaleidoscopically changing world events. The inadequacy of institutions at the current moment leads to a series of lost opportunities, stagnation in the economy and deceleration of key areas.

Institutions are the most accessible for research at the time of their breaking. Given that the properties of the general can be found in the private, the theoretical theses

presented in the article have been applied to Russian single-industry towns, the political and economic future of which is in question. Thus, the author provides a “road map” for the development of single-industry towns institutions, contributing to the solution of their fundamental problems.

Based on the study, the article concludes that the policy of modernization of single-industry towns should take into account the peculiarities of institutional development and be carried out with the active participation of state and local authorities. However, the policy applied today in this sphere is ineffective and cannot give the required result, because it does not take into account the role of institutions. Changing the policy of the state in terms of designing development institutions will contribute to the formation of a new economy in Russia and sustainable development of the state.

Keywords. Institutions, coercion, violence, political rights, duties, single-industry town.

Article info. Received September 03, 2018; accepted September 27, 2018; available online October 15, 2018.

В наиболее общем понимании принуждение можно определить, как «способ воздействия на поведение человека с целью подчинения его воле принуждающего» [10, с. 72]. Такое воздействие является внешним и может иметь психическую, физическую, социальную и смысловую природу. В последнем случае воздействие облекается в форму убеждения.

Реализация государственного принуждения сужает правовое пространство субъекта, на которого оно нацелено. Наиболее жесткий вариант государственного принуждения можно определить как насилие, т. е. непосредственное физическое или психическое противостояние, которое принуждает к взаимодействию в форме «господство-подчинение» [1, с. 116–117]. Ю. Гальтунг рассматривает насилие в качестве совокупности действий, направленных на снижение реального уровня жизни человека и ограничение воз-

возможностей удовлетворять базовые, жизненно важные потребности [15, с. 292].

Политическая система государства в предельных случаях может основываться на максимальном принуждении и насилии, либо на максимальном добровольном обмене правами и обязанностями. Эти два крайних политических полюса находят выражение в институтах, т. е. в устоявшихся социальных практиках по перемещению прав и обязанностей между субъектами. Основные права можно сгруппировать следующим образом (рис. 1).

Конституционные/ мировоззренческие права	Право на разработку этики
	Право на силовую защиту этики
Технологические права	Право на разработку этики
	Право на разработку и применение новых социальных законов
	Право на судебные функции
Силовые права	Право на защиту от применения силы
	Право влиять на изменение налогов и других повинностей
	Право на назначение политических управленцев и их отзыв
Экономические права	Право на вознаграждение за труд
	Право на владение собственностью
	Право на доступ к экономическим ресурсам
Физические права	Право на распоряжение собственным временем
	Право на физический труд

Рис. 1. Вертикаль политических прав

Из рисунка 1 следует, что спектр допустимых политических свобод может уменьшаться до нуля (отрицание права на добровольный физический труд и признание обязанности на труд) или принимать максимальное значение при признании права негосударственных структур на создание социальной этики.

В крайнем нижнем положении, происходит полное поправление естественных и неотчуждаемых политических прав человека [11, с. 108]. Во втором случае, по мере ослабления «политического пресса», все более широкие социальные массы наделяются все более важными правами. Другими словами, возрастает «политическая субъектность» человека и гражданина, которая означает их способность оказывать реальное, активное и достаточно эффективное воздействие на происходящие в обществе процессы [9, с. 80].

Аннулирование какого-либо права приводит к появлению соответствующей политической обязанности, т. е. «долга гражданина по отношению к государству» [7, с. 5]. «Вертикальный» характер обязанностей предполагают законопослушность, осознанность и добровольность гражданина. Наличие двух последних свойств отличает обязанность от повиновения.

Акцент на принуждение политически целесообразен в том случае, когда экономика развивается по монокультурному, трудоемкому способу производства и примитивного физического труда достаточно для получения политической элитой богатой экономической ренты. Примером может являться ситуация на Карибских островах в XVI–XVIII веках, где тягостный труд рабов на плантациях в изобилии обеспечивал благосостояние сахарных плантаторов. Соответственно в таких богатейших мировых колониях как Барбадос, Куба, Гаити, Ямайка «политический пресс» опустился до минимума, не оставляя большинству населения никаких прав [8]. Плантаторы, составлявшие меньшинство населения, контролировали все институты и

владели всей собственностью, включая рабов. Предпосылки изменения таких институтов появились только тогда, когда основной монопродукт стал терять свою ценность на мировом рынке и возникли предпосылки перехода на новые виды экономической активности и появления новых типов институтов. Однако эти предпосылки не были реализованы.

Контрастирует с этим опыт других стран, в которых вслед за ослаблением «политического пресса» возникли институты, обеспечивающие расширение гражданских прав, «кристаллизацию» широких масс и связанный с этим экономический рост. Такая ситуация наблюдалась, например, в Англии после «Славной» революции (1688 г.), которая постепенно открыла возможности для участия широких слоев граждан в политике и позволила им оказывать значительное влияние на работу правительства и на функционирование государства в целом. Даже такие чувствительные для любого суверена вопросы, как установление налогов и манипулирование правосудием оказались отторгнуты у короля. Беспрецедентным стало лишение короля монопольного права на эмиссию денег, которое было передано Банку Англии.

Позже получила правовую защиту система прав собственности на землю и на такие экзотические на тот момент права, как патент на изобретение, что стало важным катализатором для инноваций. Принципы права стали распространяться на всех граждан. Следствием трансформации политических институтов стал запуск экономического маховика. Активно стали развиваться торговля, промышленное производство, строительство дорог, каналов и железных дорог.

Таким образом, политическое изменение системы прав и обязанностей повлекло за собой взрывной рост экономики и цепь научных открытий, вылившихся в промышленную революцию. После добровольного или вынужденного отказа власти от тотального при-

нуждения произошло высвобождение потенциала множества людей, вследствие чего ординарная европейская страна вдруг в короткий срок вышла на первые мировые роли. Каждое техническое изобретение (паровая машина, паровоз, прядильная машина и т. д.) раздвигало пределы технологических возможностей страны, увеличивало объем ресурсов у разных слоев населения и оказывало давление на дальнейшее расширение политических прав.

Схожие процессы наблюдались в начале XIX века в Новом Южном Уэльсе (Австралия). Несмотря на укрепление местной олигархии (сквоттеров), дефицит рабочей силы заставил ее последовательно расширять права заключенных, прежде всего наделив их правом на оплачиваемый труд. Позже бывшие каторжники получили право владеть землей, открывать свое дело и нанимать работников. Они добились прекращения практики каторжных транспортов с 1840 г., истребовали право на суд присяжных из равных себе, а также право на доступ к свободным землям. В конечном счете из острого конфликта с местной аристократией бывшие каторжане вышли победителями. Политический успех они закрепили доступом к законодательным полномочиям. В 1842 году был создан законодательный совет колонии, на две трети состоящий из выборных депутатов, в т. ч. из бывших каторжников, имевших собственность. В середине XIX века в этом регионе впервые в мире появилось тайное голосование на выборах, что минимизировало риск скупки голосов.

Таким образом, невозможность извлечения ренты из трудоемкой монопродуктовой деятельности заставил сквоттеров шаг за шагом расширять права самой угнетенной категории населения Австралии того времени. Тотальное принуждение оказалось не эффективным, что привело к вынужденной трансформации политических институтов и вызвало впоследствии бурный экономический рост.

Рассмотрим пример из другой части света. В республике Ботсвана сегодня наблюдается самый высокий доход на душу населения среди всех стран Черной Африки. Причем его значение примерно соответствует уровню такой страны, как Венгрия. Между тем в момент обретения независимости (1966 г.) Ботсвана относилась к беднейшим странам мира. Располагаясь в глубине континента, Ботсвана была окружена странами, находящимися под управлением белого меньшинства (ЮАР, Намибия и Родезия).

Такая мощный экономический скачок и низкий уровень социального неравенства не могут быть объяснены только открытыми позже месторождениями алмазов и золота. Ни одна другая богатая месторождениями страна Черной Африки не смогла повторить путь Ботсваны.

Причины следует искать в политических институтах, созданных еще в древности местным народом тсвана и каким-то образом сохранившихся в период английской колонизации. Вожди тсвана и экономическая элита страны, смогли выработать правила и нормы, обеспечивающий высокий уровень политических прав и экономических свобод широких масс. В результате открытые месторождения полезных ископаемых стали источником благосостояния населения.

Все эти примеры объединяет тот факт, что скудная рента не была достаточной для поддержания благосостояния олигархии, что заставило искать доходы в других, более рискованных видах экономической деятельности. Высокая значимость широких народных масс заставляла олигархию идти на уступки. Политические уступки в свою очередь активизировали уверенность в будущем и предпринимательскую активность. Отсюда берет свое начало экономическое процветание и социальная стабильность.

В то же время экономический рост часто происходит и при максимально затянутых гайках и минималь-

ных политических правах, когда перед страной возникает смертельная опасность и все ресурсы общества принудительно направляются на ликвидацию самых острых угроз. Благодаря этому в короткие сроки может быть достигнут мощный научно-технический рывок. Однако эффективность такой политики в краткосрочном периоде всегда оборачивается потерями и упущенными возможностями в долгосрочном периоде.

Увеличение прав по вертикали на рисунке 1 означает рост субъектности рядовых граждан. В первую очередь возникает свобода в сфере производства и обмена результатами труда. Очевидная выгодность для гражданина такого труда по сравнению с принуждением приводит к росту располагаемых им ресурсов. Как следствие уровень благосостояния производителей в целом возрастает. Рост доходов стимулирует спрос на все виды благ и ведет усложнению национальной экономики. Через некоторое время естественным образом возникает специализация производителей на все более узких видах деятельности, т. е. происходит углубление разделения труда и связанный с этим рост эффективности производства.

На определенном этапе накопленные богатства требуют повышения безопасности и стабильности, т. е. предъявляется спрос на политические институты и услуги государства со всеми вытекающими отсюда последствиями. Классическим примером такого развития событий является история калифорнийской «золотой лихорадки» и города Сакраменто. Долгое время он находился под самоуправлением золотодобытчиков и по факту находился вне юрисдикции официальных властей. Лишь в 1879 году горожане сочли необходимыми законы штата Калифорния и добровольно признали их. При этом они добились того, чтобы столицей штата был признан город Сакраменто, оплатив это право некоторым количеством золота. В результате, широкие политические права старателей обеспечили экономи-

ческое развитие данной территории и ее социальную стабильность в течении длительного времени.

В средневековой Венеции развитые политические институты также вызвали мощное экономическое развитие, закончившееся, однако, коллапсом. Развитые институты позволили активно развивать коллективные способы финансирования торгового плавания — комменда (commenda). Один из партнеров (commendator) брал на себя риски инвестирования, вкладывая собственные средства в организацию морской торговли. Другой партнер непосредственно выполнял транспортные и торговые операции. Такая схема позволяла начать торговую деятельность даже начинающим коммерсантам, не владеющим необходимым капиталом. Благодаря договору комменды, риски разделались между партнерами, уменьшая их до приемлемого уровня, что делало морскую торговлю крайне выгодной. В случае успеха, партнеры оказывались в крупном выигрыше.

Также, как и в Сакраменто, накапливание богатства венецианскими купцами поставило вопрос о долгосрочных гарантиях и политических правах. Сохранение социальной стабильности и экономический рост требовали, чтобы олигархи поддерживали политическую субъектность широких народных масс. Высшим должностным лицом в средневековой Венеции являлся дож, пожизненно избираемый на свою должность общим собранием граждан. Со временем его власть поэтапно уменьшалась путем назначения советников и созданием других политических институтов. Однако процесс становления политического плюрализма был прерван наиболее богатыми семьями Венеции. Права граждан шаг за шагом сворачивались. Следствием этого в конечном счете стала утрата Венецией всех своих позиций в мировой торговле.

Таким образом, любая политическая система активно тяготеет к демонтажу политических прав

граждан, как наиболее комфортному и простому способу функционирования. Слом этой тенденции возможен в двух случаях:

1. Исчерпание источника экономической ренты при сохранении централизации социума. Без централизации социум распадается на ряд независимых сообществ, которые теоретически способны выстраивать горизонтальные связи и производственные цепочки, однако на определенном этапе расширения такого сообщества требуется появление надструктур, выполняющих функции координации трудовых усилий, эквивалентного обмена благами, контроля над выполнением договоренностей, разработки межгрупповых проектов (ирригация, дороги и т. п.). Таким образом совокупность таких сообществ неизбежно приведет к централизации;

2. Внешний импульс, уничтожающий систему социального принуждения и внедряющий институты плюрализма. Такой пример мы видим в ходе Наполеоновских войн 1798–1801 гг., когда на оккупированных французской революционной армией территориях было ликвидировано крепостное право, феодалное владение землей, господство ремесленных гильдий и обеспечено равенство всех граждан перед законом.

Авторитаризм и ликвидация прав граждан в стратегическом плане ведет к потере устойчивости политического режима, т. к. представляет собой «конструкцию», покоящуюся на одной «опоре» в виде богатой экономической ренты, в окружении расщепленных и дезорганизованных социальных слоев. Любое колебание рентной «опоры» тут же ставит всю конструкцию под угрозу обрушения. Поддержать социальную структуру могла бы кристаллизация социальных слоев.

Переходу к плюралистическим политическим структурам способствуют три фактора:

1) появление нового класса, жизненного зависящего от новой системы разделения труда и готового отстаивать свои новые права.

2) широкая социальная сеть, сформировавшаяся благодаря ослаблению политического принуждения.

3) зачатки институтов плюрализма.

Рассмотрим современную точку бифуркации между институтами авторитаризма и институтами плюрализма на примере российских моногородов. Обратим при этом внимание, что проблема моногородов не является специфически российской проблемой. Широко известны трудности, с которыми сталкиваются власти таких городов, как Кливленд или Детройт. В США их обозначают термином «oneindustry town» («город одной отрасли»).

В течение длительного времени сеть таких моногородов была в нашей стране способом освоивания пространства и месторождений полезных ископаемых. Сегодня в таких городах проживает около четверти всего городского населения страны и производится около 40% всего валового внутреннего продукта России.

Моногород оказывается крайне зависимым от монопродукта, ради которого он был создан, а также от помощи федерального центра [1]. И то, и другое представляют собой главный источник экономической ренты. С разрушением советской экономики многие моногорода столкнулись со следующими проблемами:

- неустойчивость спроса на продукцию градообразующего предприятия [2];
- неконкурентоспособность по сравнению с иностранными производителями;
- большие расходы на поддержание социальной инфраструктуры [3];
- накопленные экологические проблемы;
- высокая зависимость местных органов власти и населения города от градообразующих предприятий [6, с. 5].

Органы власти таких городов столкнулись с ситуацией истощения главного источника ренты как для себя, так и для населения. Идеальным выходом для них был бы переход на новый источник ренты, т. е. на другую монопродуктовую деятельность через привлечение нового крупного инвестора. Однако, это далеко не всегда возможно. Соответственно местная власть может либо согласиться с постепенной деградацией города и с ухудшением собственного экономического положения при возможном сохранении политической положения, либо активизировать потенциал горизонтальных связей горожан с неизбежным ограничением своего политического всевластия.

Успешные примеры второго исхода не редки в мировой практике. Так в городе Тамблер Ридж (Канада) в кризисной ситуации были созданы новые институты плюрализма¹. Город появился в конце 1980-х гг. с целью разработки коксующегося угля. В 2000 г. градообразующая компания «Teck Corporation» объявила о закрытии самой крупной шахты, что поставило вопрос о ликвидации города и переселении жителей. Однако «большинство жителей города и представители администрации изъявили желание не покидать родные места, считая, что экономику Тамблер Риджа можно спасти и из узкоспециализированного индустриального центра он способен преобразиться в процветающий экономический центр» [12, с. 11].

Принятое местным сообществом принципиальное решение о сохранении города вылилось в концепцию развития, состоящую из нескольких позиций:

- привлечение финансовых ресурсов из регионального бюджета для выкупа жилья у покидавших город жителей. После этого жилые помещения продаются всем желающим, но по низким ценам;

¹ URL: www.pris.bc.ca.

- повышение привлекательности жизни в городе Тамблер Ридж для иногородних жителей. Для этого были предприняты меры по повышению качества социальных услуг: рост уровня и доступности образования, медицинского обслуживания и социального обеспечения;

- диверсификация экономики города за счет развития новых отраслей, в т. ч. лесопильного производства и отрасли туризма.

Следствием реализации данной концепции стал приток жителей и рабочей силы. Это в свою очередь активизировало мелкое и среднее предпринимательство. В результате «согласно опросу, проведенному в конце 2012 г., из 80 опрошенных представителей МСБ 53 заявили о своем намерении внедрять свой бизнес в городе, ссылаясь на привлекательные условия».

Успешно реализуемую связку «политика плюрализма — активизация граждан — экономическое развитие» мы видим и в другом канадском городе Эллиот Лэйк. «Градообразующие компании Эллиот Лэйка были вынуждены объявить о закрытии трех основных шахт по добыче урана, вследствие чего более 2 тыс. человек лишились своих рабочих мест ... Экономика Эллиот Лэйка полностью зависела от доходов градообразующих компаний. Так, еще в 1986 г. из общей численности населения 17 984 человека 4 858 трудились непосредственно на уранодобывающих предприятиях, 3 962 человека были профессионально связаны с данной отраслью, поскольку занимались производством товаров и услуг, способствующих добыче урана» [18, с. 255].

Концепция спасения города также включала в себя три пункта:

- 1) привлечение в город граждан пенсионного возраста из других районов и городов;
- 2) активное развитие въездного туризма;
- 3) диверсификация малого бизнеса.

Такая категория населения, как пенсионеры независимо от места жительства имеют гарантированный уровень доходов. Их потребительские расходы благотворно сказываются на местных бюджетах. Благоприятные условия жизни в Эллиот Лэйк и понижение стоимости жилья позволили привлечь около полутора тысяч пенсионеров. Вслед за ними потянулись и предпринимательские структуры.

Финансовая помощь из регионального бюджета позволила создать инфраструктуру для развития туризма в Эллиот Лэйке, в т. ч. «120-километровой окружной дороги, информационного центра для гостей, обзорной башни с видом на панораму города и менее крупных объектов, таких как лодочные станции, автомастерские, лыжные и горнолыжные трассы» [18, с. 114].

Наряду с этими примерами успеха, существует и множество примером с другим исходом. Такие города в США как Детройт, Филадельфия, Кливленд, Нью-касл не смогли повторить успешный опыт политической и экономической трансформации.

В России многолетние попытки возрождения моногородов также нельзя назвать успешными, в т. ч. с попытками применения современных технологий и моделей [4; 12–14]. На данный момент местный уровень власти в России является наиболее ущемленным. Российские муниципалитеты практически полностью зависят от финансовой помощи региональных органов власти. При этом от представителей местных властей и крупного бизнеса не прекращаются жалобы на «пассивность населения, которое ожидает решения всех социально-экономических проблем со стороны государства или предприятия» [16]. Попытки пробудить предприимчивость населению моногородов «сверху» не приносят результата. Вливание финансовых ресурсов для диверсификации местной экономики вызывают некоторое оживление, которое, однако, кончается

немедленно после завершения программы финансирования.

На наш взгляд, выход следует искать в рассмотренной выше последовательности: политические реформы — кристаллизация новых социальных структур — экономический рост. Прежде всего, на наш взгляд, следует изменить взаимоотношения государства, местных органов власти и местного населения, которые ведут к угнетенному социальному статусу и пассивности граждан. «Государство не заключает сделку с гражданами, чтобы нести совместную ответственность за общественный порядок, не вызывает в них чувства долга или гордости, нет, оно требует повиновения. Потому не удивительно, что, когда с нами обращаются как с капризным ребенком, мы и ведем себя соответственно» [17, с. 557]. Необходимо признать, что проводимая правительством политика приводит к апатии, атомизации и эгоизму населения.

На наш взгляд, активизацию потенциала населения моногорода следовало бы проводить в три этапа:

1) Перепись местных клубов и сообществ. В данном случае интерес представляют все существующие и даже потенциальные малые группы (клуб садоводов, общество любителей собак, спортивные секции и др.). Участие горожанина в такой малой группе означает, что его социальная активность не погасла, он умеет выстраивать горизонтальные коммуникации, брать на себя часть клубной работы (скорее всего безвозмездно или даже вкладывая свои личные сбережения). Клуб как институциональная единица потенциально способен проводить регулярные общественные мероприятия, привлекать спонсоров, взаимодействовать с органами власти, сотрудничать с родственными клубами в других регионах и даже странах. Таким образом клубы представляют собой активные, социальные структуры с открытой «архитектурой» (т. е. готовы к приему новых членов и партнёрским отношениям).

Клубы уцелели, несмотря на политику государства по подавлению любой несанкционированной инициативы. На данный момент подавляющая их часть держится только на энтузиазме и влачит жалкое существование из-за отсутствия помещения, техники, денежных фондов и т. п.

2) Построение «дорожной карты» по развитию местных клубов.

Местным органам власти следует войти в плотный контакт с руководством клубов и составить план по расширению и популяризации деятельности клуба. Как раз здесь и пригодятся те финансовые ресурсы, которые выделяются по программам развития российских моногородов (средства бюджетов всех уровней, федеральные и областные целевые программы, программы развития малого и среднего бизнеса и т. п.). Клубы должны превратиться в «оазисы» социальной активности.

Цель данного этапа состоит в пробуждении местного населения от социальной «спячки». Включение большей части жителей в один из местных клубов приведет к уплотнению «решетки» горизонтальных связей. Увеличившаяся частота социальных контактов кроме развития собственно клубных дел неизбежно приведет к активизации обсуждения вопросов всего моногорода.

Фактически на данном этапе местному обществу возвращаются ряд его естественных прав: на свободный физический труд, на распоряжение собственным временем, на доступ к экономическим ресурсам, на владение собственностью, на вознаграждение за труд.

3) Кристаллизация клубной деятельности и выстраивание плотной межклубной социальной сети.

На данном этапе местное общество вполне готово принять участие в судьбе собственного города. Исходя из этого, следует модифицировать законодательство

моногорода, включив в него понятие и права общего собрания жителей. Представляется, что такое собрание должно собираться не менее одного раза в год и решать наиболее важные и принципиальные вопросы, в т. ч.:

- сохранение города или его ликвидация с переселением жителей;
- направление использования общественных денежных и других фондов;
- создание политического института, исполняющего волю общего собрания;
- выбор путей развития моногорода.

В результате происходит своего рода мобилизация местного населения путем его объединения в группы для противостояния политическим, экономическим и социальным вызовам.

Принципиально важной является причастность каждого жителя к таким всеобщим вопросам. Из безропотного обывателя он постепенно превращается в творца собственного и общественного будущего, беря на себя соответствующую ответственность. Это как раз и может породить те неожиданные решения, которые могут спасти моногород и найти новые рыночные ниши.

Вполне возможно, что решение будет найдено во взаимодействии местных клубов с клубами из других регионов. Схожее решение, было применено, например, в городе Ньюпорт (США), власти которого сделали ставку на исторические достопримечательности и спортивные мероприятия. На месте проведения первого Открытого чемпионата США по теннису (1881 г.) расположен Международный зал теннисной славы, привлекающий туристов. В городе ежегодно проходит мужской турнир Зала славы Кэмпбелла, входящий в календарь Ассоциации теннисистов-профессионалов. Ньюпорт с трёх сторон окружён океаном, и известен как важнейший центр парусного спорта

в США. Здесь проходят розыгрыши регаты Кубка Америки. В 1895 году в Ньюпорте прошли первые чемпионаты США по гольфу, и среди любителей, и среди профессионалов. В Ньюпорте также ежегодно проходит международный джазовый фестиваль, на который съезжаются лучшие джазовые исполнители мира.

Такого рода примеры можно продолжать. Так, французский город Ле-Ман известен всему миру благодаря гонкам «24 часа Ле-Мана», которые традиционно проводятся на пригородных трассах «Сарта» и «Бугатти». Рядом с городом действует крупный музей старинных автомобилей. Помимо автомобильных, с 1953 года в Ле-Мане проводятся международные велосипедные гонки. Испанский город Буньоль стал «магнитом» для туристов благодаря регулярному фестивалю Ла Томагина, в ходе которого устраивается «битва» помидорами. Японский город Наэба обрел второе дыхание после открытия музыкального фестиваля «Фудзи-рок» – самого крупного в Японии. Южнокорейский город Порён привлекает миллионы туристов, желающих принять участие в грязевом фестивале.

Таким образом, современному российскому государству не удастся обеспечить удовлетворение общественных потребностей в рамках традиционных авторитарных моделей управления и существует запрос на более совершенную плюралистичную модель. Активизация горизонтальных связей и проектирование социальных сетей позволяет сократить разрыв между обществом и государством, интегрировать их потенциалы и благодаря объединению ресурсов в решении актуальных социально-экономических и политических проблем обеспечить более высокую адаптивную способность власти принимать адекватные и эффективные решения в условиях нестабильности и неопределенности.

Список использованной литературы

1. Винокуров М. А. Города Иркутской области / М. А. Винокуров, А. П. Суходолов. — 2-е изд., испр. и доп. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2011. — 344 с.
2. Винокуров М. А. Экономика Иркутской области : в 6 т. / М. А. Винокуров, А. П. Суходолов. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2009. — Т. 6. — 292 с.
3. Суходолов А. П. Крупномасштабные региональные эколого-экономические проблемы (подходы и варианты решения) : дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05 / А. П. Суходолов. — Иркутск, 1996. — 298 с.
4. Современные информационно-телекоммуникационные технологии в управлении социально-экономическими системами / А. П. Суходолов [и др.] ; под ред. А. П. Суходолова. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2013. — 196 с.
5. Красиков В. И. Насилие в эволюции, истории и современном обществе. Очерки / В. И. Красиков. — М. : Водолей, 2010. — 198 с.
6. Макиева И. В. Модернизация экономики моногородов / И. В. Макиева, И. В. Кривоногов // Вестник финансового университета. — 2011. — № 5 (14). — С. 5-14.
7. Мартышин О. В. Политическая обязанность / О. В. Мартышин // Государство и право. — 2000. — № 4. — С. 5-14.
8. Робинсон Д. А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты / Д. А. Робинсон, А. Джеймс. — М. : АСТ, 2015. — 693 с.
9. Сальников В. П. Государственность как феномен и объект типологии: теоретико-методологический анализ / В. П. Сальников, С. В. Степашин, А. Г. Хабибулин. — СПб. : Университет, 2001. — 205 с.
10. Сатина Э. А. Понятие и виды государственного принуждения / Э. А. Сатина // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2003. — № 2 (30). — С. 72-76.
11. Смирнов В. В. Политология прав человека и политические права в России / В. В. Смирнов // ПОЛИС. Политические исследования. — 2010. — № 6. — С. 106-115.
12. Рудяков В. А. Падение адаптивной эффективности российской экономики — институциональная ловушка или дисфункциональное состояние? [Электронный ресурс] / В. А. Рудяков // Baikal Research Journal. — 2016. — Т. 7, № 2. — Режим доступа: <http://brj-bguerp.ru/reader/article.aspx?id=20664>. — DOI : 10.17150/2411-6262.2016.7(2).1.

13. Рудяков В. А. Роль государства в формировании адаптивной эффективности российской экономической системы / В. А. Рудяков // Историко-экономические исследования. — 2017. — Т. 18, № 4. — С. 736–757. — DOI: 10.17150/2308-2588.2017.18(4).736-757.

14. Тагаров Б. Ж. Оценка процесса формирования ин-формационной экономики в России / Б. Ж. Тагаров, Ж. З. Тагаров // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. — 2018. — № 2. — С. 76–84. — DOI: 10.18101/2304-4446-2018-2-76-84.

15. Шаститко А. Е. Моногорода: новый взгляд на старую проблему / А. Е. Шаститко, А. Ф. Фатихова // Балтийский регион. — 2015. — № 1 (23). — С. 7–35. — DOI: 10.5922/2074-9848-2015-1-1.

16. Galtung J. Cultural Violence / J. Galtung // Journal of Peace Research. — 1990. — № 3. — P. 291–305.

17. Gill A. M. Respecting context in Northern resource town planning: The case of Tumbler Ridge / A. M. Gill // Western Geography. — 2002. — № 12. — P. 113–129.

18. Парамонова Н. Формула оживления моногородов. Как бизнесу, власти и обществу прийти к балансу интересов для их развития [Электронный ресурс] / Н. Парамонова, А. Давыдова // Коммерсантъ. — 2018. — Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3224939>.

19. Ridley M. The Origins of Virtue / M. Ridley. — New York: Penguin Books, 1996. — 295 p.

20. Mawhiney A.-M. Boom town blues — Elliot Lake: Collapse and revival in a single-industry community / A.-M. Mawhiney, J. Pitblado. — Toronto: Dundurn Press, 1999. — 552 p.

References

1. Vinokurov M. A., Sukhodolov A. P. *Goroda Irkutskoi oblasti* [Cities of Irkutsk region]. 2nd Irkutsk, Baikal State University of Economics and Law Publ., 2011. 344 p.

2. Vinokurov M. A., Sukhodolov A. P. *Ekonomika Irkutskoi oblasti* [Economy of Irkutsk region]. Irkutsk, Baikal State University of Economics and Law Publ., 2009, vol. 6. 292 p.

3. Sukhodolov A. P. *Krupnomasshtabnye regional'nye ekologo-ekonomicheskie problemy (podkhody i varianty resheniya)*. Dr. Diss. [Large-scale regional ecological and economic problems (approaches and variants of solution). Dr. Diss.]. Irkutsk, 1996. 298 p.

4. Sukhodolov A. P., Ozernikova T. G., Bratishchenko V. V., Arkhipova Z. V., Sachkov D. I. *Sovremennye informatsionno-tele-*

kommunikatsionnye tekhnologii v upravlenii sotsial'no-ekonomicheskimi sistemami [Modern information and telecommunication technologies in the management of socio-economic systems]. Irkutsk, Baikal State University of Economics and Law Publ., 2013. 196 p.

5. Krasikov V. I. *Nasilie v evolyutsii, istorii i sovremennom obshchestve. Ocherki* [Violence in the evolution, history and contemporary society. Essays]. Moscow, Vodolei Publ., 2010. 198 p.

6. Makieva I. V., Krivogov I. V. Modernization of the economy of one-company towns. *Vestnik Finansovogo universiteta = Bulletin of The Financial University*, 2011, no. 5 (14), pp. 5–14. (In Russian).

7. Martyshev O. V. Politicheskaja a duty. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2000, no. 4, pp. 5–14. (In Russian).

8. Robinson D. A., Dzhajms A. *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. New York, Crown Publishers, 2012. 544 s. (Russ. ed.: Robinson D. A., Dzhajms A. *Pochemu odni strany bogatye, a drugie bednye. Proiskhozhdenie vlasti, protsvetaniya i nishchety*. Moscow, AST Publ., 2015. 693 p.).

9. Salnikov V. P., Stepashin S. V., Khabibulin A. G. *Gosudarstvennost' kak fenomen i ob'ekt tipologii: teoretiko-metodologicheskii analiz* [Statehood as a phenomenon and object of typology: theoretical and methodological analysis]. Saint Petersburg, Universitet Publ., 2001. 205 p.

10. Satina E. A. The notion and types of state coercion. *Vestnik Tambovskogo Universiteta. Serija: Gumanitarnye Nauki = Tambov State University Bulletin. Series: Humanities*, 2003, no. 2 (30), pp. 72–76. (In Russian).

11. Smirnov V.V. The human rights political science and political rights in Russia. *Polis. Politicheskie issledovaniya = Polis. Political studies*, 2010, no. 6, pp. 106–115. (In Russian).

12. Rudyakov V. A. Decline of adaptive efficiency of Russian economy – is it an institutional trap or a dysfunctional state? *Baikal Research Journal*, 2016, vol. 7, no. 2. Available at: <http://brj-bgupep.ru/reader/article.aspx?id=20664>. DOI: 10.17150/2411-6262.2016.7(2).1. (In Russian).

13. Rudyakov V. A. The Role of the State in Forming Adaptive Efficiency of the Russian Economic System. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2017, vol. 18, no. 4, pp. 736–757. DOI: 10.17150/2308-2588.2017.18(4).736-757. (In Russian).

14. Tagarov Bato Zh., Tagarov Zhargal Z. Evaluation of the process of information economy development in Russia. Бурятского государственного университета = *Vestnik Buryatsko-*

go gosudarstvennogo universiteta = *Bulletin of the Buryat State University*, 2018, no. 2, pp. 76–84. DOI: 10.18101/2304-4446-2018-2-76-84. (In Russian).

15. Shastitko A. E., Fakhitova A. F. Monotowns: A New Take on the Old Problem. *Baltiiskii region = Baltic Region*, 2015, no. 1 (23), pp. 7–35. DOI: 10.5922/2074-9848-2015-1-1. (In Russian).

16. Galtung J. Cultural Violence. *Journal of Peace Research*, 1990, no. 3, pp. 291–305.

17. Gill A. M. Respecting context in Northern resource town planning: The case of Tumbler Ridge. *Western Geography*, 2002, no. 12, pp. 113–129.

18. Paramonova N., Davydova A. The formula for the revival of single-industry towns. The way of balancing the interests of business, government and society. *Kommersant* = *Kommersant*, 2018. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3224939>. (In Russian).

19. Ridley M. *The Origins of Virtue*. New York : Penguin Books, 1996. 295 p.

20. Mawhiney A.-M., Pitblado J. *Boom town blues – Elliot Lake: Collapse and revival in a single-industry community*. Toronto : Dundurn Press, 1999. 552 p.

Информация об авторе

Анохов Игорь Васильевич — кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономической теории и институциональной экономики, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: i.v.anokhov@yandex.ru.

Author

Igor V. Anokhov — PhD in Economics, Associate Professor, Department of Economic Theory and Institutional Economics, Baikal State University, 11, Lenin St., Irkutsk, 664003, Russian Federation, e-mail: i.v.anokhov@yandex.ru.

Для цитирования

Анохов И. В. Влияние институтов на оживление моногородов / И. В. Анохов // Историко-экономические исследования. — 2018. — Т. 19, № 3. — С. 435–458. — DOI: 10.17150/2308-2588.2018.19(3).435-458.

For Citation

Anokhov I. V. The Influence of Institutions in the Revival of Single-Industry Towns. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2018, vol. 19, no. 3, pp. 435–458. DOI: 10.17150/2308-2588.2018.19(3).435-458. (In Russian).